

IN MEMORIAM

**ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ СИНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
АКАДЕМИКА В.М. АЛЕКСЕЕВА, ВЫДАЮЩИЙСЯ ЗНАТОК КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ПРЕКРАСНЫЙ ПЕРЕВОДЧИК-ПОЭТ
(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА ЛЬВА ЗАЛМАНОВИЧА ЭЙДЛИНА)**

Л.З. Эйдлин родился 5 января 1910 г. в г. Чернигове. После переезда в Москву работал слесарем на заводе «Красный металлост». В те годы со страниц газет не сходила информация о возрастающем отпоре агрессии японской военщины, о преследованиях гоминьдановскими властями революционеров и демократов. Эти известия волновали советских людей и многие горели желанием помогать народу соседней страны. Интересны были сведения о новой культуре Китая, духовных ценностях былых веков. Поэтому вполне естественно, что Л.З. Эйдлин поступает на китайское отделение Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Спустя сорок лет Л.З. Эйдлин писал: «Институт востоковедения был превосходным учебным заведением, дававшим широкое общее образование и хорошее знание языка изучаемой страны» [1, с. 5]. Однако пытливый и серьезный выпускник вместе со своим сокурсником Н.Т. Федоренко, который на всю жизнь стал его ближайшим другом, пришли к пониманию, что в преподавании в МИВ акцент делался на подготовку к практической деятельности, потому поступили в 1937 г. в аспирантуру под руководством В.М. Алексеева.

На обстановку, в которой Л.З. Эйдлиным осуществлялся выбор наставника, следует обратить особое внимание. Дело в том, что в тридцатые годы академик Алексеев нередко подвергался критическим нападкам, продиктованным зачастую конъюнктурными или карьерными соображениями, а подчас молодой запальчивостью. После опубликования в Париже в 1937 г. лекций о китайской литературе, которые были

прочитаны В.М. Алексеевым еще в 1926 г. в Коллеж де Франс, газета «Правда» 31 мая 1938 г. посчитала необходимым выступить со статьей «Лжеученый в звании советского академика». В 1937–1938 гг. прошли аресты ближайших сотрудников и учеников академика. 24 ноября 1937 г. в один день были расстреляны Б.А. Васильев (1899–1937) и Н.А. Невский (1892–1937), 18 февраля 1938 г. погиб Ю.К. Щуцкий (1897–1938) [2; 3]. В тюрьме оказались А.А. Штукин (1904–1963), А.Г. Шпринцин (1897–1967), П.Е. Сkachков (1892–1964). Несколько трагичным для В.М. Алексеева было происходящее, говорит запись в дневнике, сделанная через несколько дней после ареста Н.А. Невского: «...после потрясений, идущих крещендо, очевидно до окончательной катастрофы, работа падает из рук» [4, с. 506].

При подобных обстоятельствах протекало знакомство В.М. Алексеева с Л.З. Эйдлиным. У приехавшего молодого китаиста академик обнаружил понравившееся ему твердое желание овладеть навыками научной деятельности. Алексеев категорично и совершенно справедливо утверждал: «Для тех, кто не ограничивается в изучении Китая высшей школой, — дорога в науку: сделаться изобретателем новых теорий, исследователем неизвестного и непонятого. В китаистике “занятых” тем нет (не так, как в классической филологии). Наука наша — наука пионеров!» [5, с. 307]. Так он писал осенью 1947 г., этому принципу был верен всю жизнь. Мечтая об учебе у В.М. Алексеева, молодой китаист знал, с какими теплыми чувствами и уважением академик отзывался о великих ученых Эд. Шаванне (1865–1918), С.Ф. Ольденбурге (1863–1934), Н.Я. Марре (1864–1934), в которых признавал соединение аналитического и лингвистического дара с общепризнанной красотой нравственного облика. Л.З. Эйдлину было ясно: «В этом соединении заключался человеческий и научный идеал самого Алексеева. Лишь с высоты этого соединения судит Алексеев об ученых» [5, с. 445]. И еще важный момент отмечал Л.З. Эйдлин: «Все, что почитал Алексеев у своих учителей, все, что восхищало его в друзьях по науке, все, что считал он главным для себя самого, — все это хочет он увидеть в учениках» [5, с. 447].

Л.З. Эйдлина увлекали жизненные и творческие принципы академика. Ему по душе была установка, которой тот неизменно следовал в педагогических занятиях: «Изучать язык без изучения культуры невозможно. Здесь существует целостное соотношение: изучают язык, чтобы изучить культуру, ибо она понятна только владеющему языком; изучай культуру, чтобы изучить язык, ибо он является ее отражением» [6, с. 30].

Алексеев ратовал за прочтение и анализ текстов по всем правилам, и его пример образцового воплощения принципов научного подхода к китайским сочинениям увлекал Л.З. Эйдлина, определил сущность его синологических занятий на всю жизнь. В речи на защите 6 октября 1918 г. в Петроградском (Петербургском) университете диссертации О.О. Розенберга В.М. Алексеев убежденно говорил: «Текст должен быть превращен в нашу мысль путем перевода, исследования и синтеза. Вот пути синоведа!» [5, с. 353]. Заслуга Л.З. Эйдлина в том, что он довольно рано осознал, в каком направлении ему следует идти в китаеведении. Познакомившись с трудами академика и с ним лично, он сумел понять, какого масштаба ученый и человек перед ним, а ведь в синологии Учитель, Наставник определяет формирование и рост личности ученика, последователя. Таков закон жизни, науки. У Л.З. Эйдлина вызывали восторг увлеченность академика исследованиями и переводами, удивительное трудолюбие и целеустремленность, широта интересов. Молодой китаист тщательно изучил оригинальный труд «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908)» (1916 г.), в котором впервые не только в нашей стране, но и в мире была предложена и реализована строго логичная система методологических принципов анализа мировоззрения и поэтических сочинений автора традиционного Китая [7]. Усваивая научные методы В.М. Алексеева, его новый ученик испытывал чувство, о котором четко сказал в 1983 г.: есть «закономерность в полной подготовленности Алексеева к этому труднейшему исследованию, обнаружившему, я бы сказал, поражающую воображение умственную и душевную мощь тридцатипятилетнего ученого» [8, с. 8–9].

В общении с академиком Л.З. Эйдлин видел перед собой ученого, который даже в годы травли сохранял молодую увлеченность наукой, жажду познания. Через много лет Л.З. Эйдлин прочтет в записках академика, сохранившихся в архиве его дочери: «Наилучшим качеством человека является храбрость, как на войне, так и в мирной жизни. Не отступать перед тем, что ты определил себе как лучшее, как смысл твоей жизни, и, наоборот, наступать грудью, не щадя жизни, на все то, что ты считаешь подлостью и злом. Только такие люди, как бы их ни было мало, дают жизни смысл» [8, с. 11–12].

Широко известны строки петербургского поэта Александра Кушнера: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Это так, но в любые времена предстоит выбор достойного образа жизни и поведения. Желание быть рядом с наставником, обладающим мощным интеллектом, огромными знаниями и новыми исследовательскими методами, побудило Л.З. Эйдлина забыть о возможных губительных последствиях, вызванных принадлежностью к окружению и научной школе В.М. Алексеева. Такой шаг умного и интеллигентного молодого китаиста не мог не вызвать у академика уважения и радостные ожидания достойных результатов их сотрудничества. И В.М. Алексеев не ошибся в новом ученике, который вскоре стал сложившимся ученым и соратником в китаеведческих делах. Сохранилось множество писем В.М. Алексеева Л.З. Эйдлину, в которых он писал о своих планах, спрашивал совета, делился переживаниями и радостями [9].

В выступлении на научной сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета, в ноябре 1944 г. В.М. Алексеев после характеристики синологической школы В.П. Васильева (1818–1900) подробно говорил о пришедшей ей на смену второй школе, утверждение которой связано с именем самого докладчика. Академик сообщал, что школа к 1941 г. включала значительную группу китаеведов разных специальностей и среди них «поэтологов (В.М. Алексеев, Н.Т. Федоренко, Л.З. Эйдлин)» [5, с. 183]. В обобщающей работе «Советская синология» (1947 г.) В.М. Алексеев с болью писал, что китаеведение в годы Великой Отечественной войны потеряло ряд лучших китаистов, однако оставшиеся в живых ученые и в тех тяжелых условиях продолжали научные занятия. С гордостью за своих молодых коллег он сообщал о защите в мае 1943 г. докторской диссертации Н.Т. Федоренко «Цюй Юань как историческая личность и его творчество» (с приложением переводов). В мае 1942 г. Л.З. Эйдлин защитил кандидатскую диссертацию «Четверостишия Бо Цюй-и». Автор «приложил перевод двухсот стихотворений, который может по праву считаться соединившим в себе художественные качества с большой точностью» [5, с. 156–157]. По материалам исследования Л.З. Эйдлин в 1946 г. публикует статьи «Из танской поэзии (Бо Цюй-и)» и «Параллелизм в поэзии Бо Цюй-и» (см.: [10, № 15835, 15836]). В 1949 г. в Москве им был опубликован первый в России сборник поэтических переводов стихов одного китайского автора «Бо Цюй-и. Четверостишия. Пер. с китайского, вступит. статья и коммент. Л.З. Эйдлина».

Одной из важнейших причин влечения Л.З. Эйдлина в 1930-е гг. к В.М. Алексееву были его поразительные успехи в переводческой работе. Для Л.З. Эйдлина академик был тем, «кто открыл и нашей науке, и нашему искусству китайскую поэзию» [8, с. 9]. Его восхищало то, что В.М. Алексеев был тем единственным человеком, кто «оказавшись во время Великой Отечественной войны в Казахстане наедине с одним лишь толковым китайским словарем “Цы юань”, нашел в себе силы совершить подвиг перевода китайской классической прозы и поэзии» [8, с. 14]. Вдохновленный примером учителя, Л.З. Эйдлин ищет свою переводческую манеру, способную адекватно воссоздать особенности творчества Бо Цюй-и, который, по словам переводчика, «был самым популярным поэтом танской эпохи» [11, с. 14]. Причину подобной известности поэта переводчик видел в двух качествах его произведений — простоте и глубокой человечности. Л.З. Эйдлина открывала вера в то, что стихи прошлых веков не только великолепные и памятные страницы истории поэзии, но и живое искусство, способное будить мысль и трогать сердца современных читателей. В лирических стихах Бо Цюй-и «радует читателя атмосфера душевной чистоты, ясность и глубина мысли, органическая поэтичность, за которыми чувствуется пусть отдаленный от нас одиннадцатью веками, но всегда близкий нам искренний и умный человек» [11, с. 16]. Издание получило высокую оценку академика (журнал «Советская книга», 1950, № 5). Переводчику понравилась мысль академика о том, что «наш массовый читатель получает доступ к китайскому поэту VIII–IX вв., как это ни странно звучит, скорее, чем массовый китайский читатель, ибо последний должен иметь не простое школьное образование, чтобы читать своего родного поэта с такой же четкостью, как русский» [12, с. 136].

Получив одобрение главы школы, Л.З. Эйдлин в благоприятных условиях для китаеведения, сложившихся после образования КНР, в 1951 г. переиздает сборник. Затем вышла книга «Бо Цюй-и. Стихи», содержащая помимо четверостиший произведения большого объема из знаменитых социальных и обличительных циклов «Циньские напевы» и «Новые народные песни». Предисловие написал выдающийся ученый, поэт и драматург, президент Китайской академии наук Го Мо-жо (1892–1978), познакомивший со своими представлениями о наследии танского поэта. В 1945 г. Го Мо-жо впервые приехал в Москву на празднование 220-летия Академии наук СССР и встретился с Л.З. Эйдлиным. С ним «у меня уже возникло духовное общение <...> мы не раз беседовали о литературе. Я знаю, что интерес его к китайской литературе и знания в этой области весьма глубоки. Мне недоступен перевод Л.З. Эйдлина на русский язык, но, зная переводчика, я имею основания верить, что этот перевод — настоящая поэзия. Нет сомнения в том, что перевод стихов Бо Цюй-и найдет приветливый отклик у советских читателей» [13, с. 6–7]. Интуиция и проницательность Го Мо-жо не подвели: перевод отличался художественностью, а общественность страны с интересом знакомилась с произведениями одного из крупнейших поэтов Китая.

В следующем издании 1965 г. «Бо Цюй-и. Лирика» переводчик дополнительно представил две знаменитые поэмы. В «Вечной печали» о любви императора Сюань-цзуна и красавицы Ян Гуй-фэй «правда переплетается с народной легендой» [14, с. 11]. Л.З. Эйдлин мудро, проникновенно и верно пишет: «Бо — поэт, и он выше всех государей. Он позволил себе увидеть в Сюань-цзуне обыкновенного человека, страдающего от гибели любимой. Ни почтения здесь нет к тому, кто, увлеченный любовью, “для вершения дел перестал по утрам выходить”, а есть лишь глубокое сочувствие человеку, удрученному постигшим его большим несчастьем» [14, с. 12]. В поэме «Пипа» рассказывается о горькой участи столичной певицы, которая оказалась в далеком городке на берегу Янцзы. Переводчику мастерски удалось воспроизвести сострадание автора участи женщины, слитность переживаний ссыльного поэта и певицы, очутившихся на чужбине.

Переводы из книги «Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан)» (1956) были воспроизведены во вто-

ром томе «Антологии китайской поэзии», вышедшей в 1957–1958 гг. в четырех томах под общей редакцией Н.Т. Федоренко и Го Мо-жо. В 1957 г. напечатан сборник «Китайская классическая поэзия» со вступительной статьей Л.З. Эйдлина «От переводчика», которая имела целью рассказать о поэтике китайского стиха, влиянии иероглифической письменности на образную природу поэзии. Л.З. Эйдлин стремился дать читателю возможность осознать красоту, строгость и выразительность структуры поэтического подлинника и богатую художественных приемов [15].

Успехи Л.З. Эйдлина как переводчика были обусловлены его непрекращающейся исследовательской работой, отличные результаты которой давали подлинное знание истории китайской поэзии, жизни и творчества мастеров стиха. Неудивительно, что Л.З. Эйдлин занял видную позицию в научном востоковедном сообществе и был признан одним из выдающихся переводчиков-поэтов в нашей стране. «Л.З. Эйдлин принадлежит к числу тех редких китаистов, которые счастливо сочетают в себе талант исследователя и поэта. Это, несомненно, дает ему возможность столь успешно заниматься китайской литературой, в частности классической поэзией», — писал Н.Т. Федоренко [16, с. 5].

Л.З. Эйдлин и академик В.М. Алексеев часто обменивались мнениями о творчестве поэта Тао Юань-мина (365–427). Мировоззрение, образ жизни и художественное наследие поэта заинтересовало В.М. Алексеева еще в десятые годы XX в. при подготовке монографии о стансах Сыкун Ту, так как отчетливо прослеживалось его влияние на танского автора. Л.З. Эйдлин сообщал: «Академик В.М. Алексеев писал о Тао Юань-мине, что он сыграл “в поэзии Китая роль нашего Пушкина”, что он “первый освободил поэзию от придворных связей и общественно-исповедных кастовых обязательств, наложенных веками на китайского ученого поэта”» [17, с. 13]. В.М. Алексеев задумал осуществить исследование и перевод полного собрания сочинений Тао Юань-мина, стал собирать разные издания и начал составлять картотеку его образных слов и выражений. К сожалению, свои планы ему не удалось осуществить, зато его мечту после многих лет настойчивых занятий воплотил его ученик и коллега. Предваряя завершение капитального труда, ученый в 1964 г. публикует сборник «Тао Юань-мин. Лирика». Книга вышла в издательстве «Художественная литература», где печатались и другие книги его поэтических переводов. Поражает умение Л.З. Эйдлина во вступительной статье, рассчитанной прежде всего на массового читателя, доступно и увлекательно рассказывать о результатах своих долгих научных изысканий и сложившемся у него объемном и целостном представлении о духовном мире поэта и времени, в котором он жил. Ученый верит своему читателю, его пытливости и желанию еще больше узнать о культуре китайского народа. Потому он не упрощает судьбу поэта среди современников и не скрывает, что не одно поколение ценителей утонченной поэзии не жаловали Тао Юань-мина. В сборнике убедительно показано, что же было вечным в жизненной позиции, идеалах и стихотворениях Тао Юань-мина, позволившим поэту через два века получить всеобщее признание и нравственный авторитет. «Лишь душа великого поэта объемлет весь мир. И каждый человек обретает в нем свою долю, отвечающую его стремлениям, складу его характера, его взглядам на жизнь и поэзию. Этим объясняется то, что Тао Юань-мин был учителем самых разных поэтов разных времен» [17, с. 12].

1967 г. стал годом замечательного успеха Л.З. Эйдлина, годом, обогатившим отечественное китаеведение исследованием «Тао Юань-мин и его стихотворения», которое продемонстрировало близкий к идеалу уровень синологической филологии. За свой труд Л.З. Эйдлин в 1968 г. был удостоен ученой степени доктора филологических наук и ему вскоре присвоили звание профессора. В синологическом литературоведении создано немало серьезных и глубоких работ, которые, несомненно, способствовали дальнейшему развитию науки о Китае, но редки труды, которые заслуживают всегда быть в поле зрения китаиста-филолога, получив статус, почти равный статусу добротных словарей и энциклопедий. Такими трудами в отечественной китаистике следует считать «Китайскую поэму о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908)» В.М. Алексеева и «Тао Юань-мин и его стихотворения» Л.З. Эйдлина. Эти исследования учат постоянно помнить о важности традиций в китайской культуре и неизбежном их проявлении в творчестве поэтов, без учета чего не избежать поверхностного восприятия содержания и изобразительных средств сочинений, не уйти от опасности субъективного толкования и осовременивания взглядов и интересов людей далеких эпох.

При изучении наследия Тао Юань-мина требовалась широта взгляда и эрудиция, недаром последнее понятие было столь любимым ученым и стало важным мерилом достоинств его коллег и результатов их работы. Эрудиция требовалась Л.З. Эйдлину, ибо он занимался китайской поэзией былых веков, а она концентрировала в себе исторические и мифологические сведения, философские идеи конфуцианства, даосизма и буддизма, систему нравственных и поведенческих ценностей, географические данные. Постигать сущность сделанного Тао Юань-мином в поэзии и, шире, в культуре было весьма сложным делом, поскольку в Китае длительное время затруднялись определить характер и причины его ухода со службы в мир деревни, не могли разобраться в его помыслах и стремлениях, не понимали особенностей стихов и поверхностно воспринимали их смысл. В западной синологии работы о Тао Юань-мине нередко носили название «Поэт-отшельник», «Поэт-даос», «Поэт-буколик», «Поэт вина». Русский исследователь увидел в

стихотворце замечательного мыслителя и мощную поэтическую индивидуальность, воспринявшую духовную энергию великого Цюй Юаня (340–278 гг. до н.э.). В силу определенных социальных и творческих причин, тщательно изученных Л.З. Эйдлиным, Тао Юань-мин смог произвести существенные перемены в содержании и манере поэзии, значение которых для деятелей литературы и культуры Китая с течением столетий становились все более ясными. В монографии показаны приметы новизны у Тао Юань-мина в содержании и темах стихов, в их стиле и форме, в следовании принципу «естественности» (цзыжань). Автор монографии разъяснял: «В статьях, сопровождающих стихотворения, я даю обоснование своего перевода и прослеживаю заимствования и связи поэта, рассматриваю критические замечания комментаторов разных эпох. Разбор каждого стихотворения помогает мне выяснить мировоззрение поэта и его эстетические взгляды, наконец, определить и уровень его поэзии в китайской и мировой литературе» [12, с. 469].

Названия глав в первой исследовательской части монографии: «Время и поэзия», «Источник жизнеописаний — сочинение поэта», «Поэт и герой в творчестве и в жизнеописаниях», «Первые критики — Чжун Жун и Сяо Тун», «Причины “возвращения”», «Домой, к себе», «Идеал возвращения и реальность “бедной жижинь”», «Нравственность и бедность», «Цзыжань — естественность», «Тема жизни и смерти» и др. — дают представление о широте охвата материала и серьезности рассматриваемой проблематики. Один из разделов был посвящен изложению и обоснованию принципов перевода стихов Тао Юань-мина и занял важное место в теории перевода китайской поэзии. Вопреки категорическому и пессимистическому взгляду на перевод, выраженному филологом-классиком середины XIX в. Морицом Гауптом в афоризме «Перевод — это смерть понимания», Л.З. Эйдлиным руководила вера в то, что при определенных условиях можно добиться такого уровня перевода, когда он становится переводом-документом и будет давать надежный материал и доказательства при исследовании творчества китайских поэтов. «В монографии заключено много ценного для синологии. Входят в научное обращение и оригинальные переводы автора из различных литературных и исторических памятников, и их толкование, и интерпретация многих явлений и фактов художественного творчества в Китае, и сведения из области китайской поэзии, философии, эстетики», — делал вывод Н.Т. Федоренко [18, II, с. 397].

Еще на рубеже 1930–1940 гг. В.М. Алексеев убедился в отличном знании Л.З. Эйдлиным литературы Китая, пригласил его в штат кафедры китайской филологии ЛГУ, и тот «в 1945–1947 гг. дважды прочитал курс истории китайской литературы, приезжая для этого из Москвы» [19, с. 67]. Систематический курс он преподавал и в Московском военном институте иностранных языков. Откликаясь на возрастающий в стране интерес к Китаю, Л.З. Эйдлин в соавторстве с В.Ф. Сорокиным пишет краткий очерк «Китайская литература», изданный в 1962 г. Первую статью по современной литературе «Образ нового человека в литературе демократического Китая» он напечатал в журнале «Знамя» (1948, № 8). После образования КНР Л.З. Эйдлин в Иностранной комиссии Союза советских писателей ведал китайским направлением и часто встречался с делегациями, знакомился со многими поэтами и прозаиками, получал в дар новые издания книг. Так открылась возможность для подготовки интересных журнальных статей (1950, 1951, 1954 — см.: [10, № 15735, 15737, 15732]). Для своего времени познавательной была монография «О китайской литературе наших дней», опубликованная в 1955 г. в издательстве «Советский писатель» и знакомившая с ведущими авторами, заметными произведениями, главными темами и тенденциями в художественном творчестве КНР. Статьи, переводы, рецензии Л.З. Эйдлина появлялись в журналах «Новый мир», «Юность», «Огонек». Позднее он вошел в состав редколлегии журнала «Иностранная литература».

Еще в 1945 г. в книге «Избранное» великого Лу Синя (1881–1936) Л.З. Эйдлин публикует переводы рассказа «Маленькое происшествие» и эссе из сборника «Дикie травы», которые неоднократно переиздавались и вошли в «Собрание сочинений в четырех томах» (1954–1955). К отдельным публикациям выдающегося писателя ученый писал вступительные статьи, упомянем лишь замечательное предисловие Л.З. Эйдлина к изданию Лу Синя в «Библиотеке всемирной литературы».

Научная и переводческая активность, накопленный огромный опыт синологических изысканий обусловили серию докладов и статей, преследующих методологические цели. Так, на Всесоюзной научной конференции Китаеведов в ноябре 1971 г. им был сделан проблемный и острый доклад «Вопросы изучения литературы средневекового Китая», в котором внимательно и строго оценены исследования, изданные за последние десять-двенадцать лет. Л.З. Эйдлин обращался к проблеме периодизации, вызывавшей среди Китаистов оживленную дискуссию, его волновал вопрос о Возрождении в Китае, порождавший у него много недоумений и возражений. Л.З. Эйдлин призывал коллег к «необходимости бережного обращения с фактами, строгого внимания к исследованию наших предшественников и современников и творческого отношения к научным выводам, но ограничивая себя безоглядной приверженностью к одной какой-либо заданной гипотезе, в данном случае, к идее неперемногого Возрождения» [21, с. 285].

Л.З. Эйдлин много делал для того, чтобы на нынешнем этапе изучения Китая общественность уяснила роль и значение научных идей и методологических установок академика Алексеева. Об этом он говорил на

всесоюзных конференциях «Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока», членом оргбюро которых он был почти четверть века. Результатом размышлений ученого над некоторыми материалами стали статья «Заметки к докладу Л.Н. Меньшикова и Л.К. Павловской “Справочные пособия как показатель этапов развития китайской литературы”» (1972), а также работа «К теме Востока» (1977), в которой подчеркивалась важность мыслей В.Ф. Сорокина о человеке и судьбе в театре XIII–XIV вв., мыслей А.С. Мартынова о причинах государственной значимости в конфуцианской стране художественного творчества, о четкой и продуманной периодизации литературы XIX — начала XX в., предложенной В.В. Петровым, чью эрудицию и особое дарование Л.З. Эйдлин неизменно выделял. В статье «К теме Востока» автор неоднократно отсылает читателя к суждениям академика В.М. Алексеева и указывает: «Всю жизнь В.М. Алексеев боролся с экзотикой. Она была для него главным врагом, таящимся за “фрондерством кипплинговского типа” и мешающим единению Запада и Востока» [22, с. 5]. Вступительную статью к трудам академика, напечатанную дважды, отлично и емко определила М.В. Баньковская: «Предисловие Л.З. Эйдлина, объемлющее все главные аспекты исследования китайской литературы ее непревзойденным знатоком» [23, I, с. 5].

Сотрудники, аспиранты, стажеры академического сектора, руководимого Л.З. Эйдлиным, вели исследования, во многом ориентируясь на методологические установки алексеевской школы. Доктора филологических наук Л.З. Эйдлин, Л.Е. Черкасский, М.Е. Шнейдер, И.С. Лисевич, Т.П. Григорьева, К.И. Гольгина, кандидаты филологических наук В.Т. Сухоруков, В.С. Аджимамудова многие годы книгами и статьями обеспечивали высокий теоретический уровень китаистики нашей страны. Этот коллектив синологов был связан с сотрудниками кафедры китайской филологии ЛГУ общими научными интересами, участием в совместных программах, дружескими отношениями. Л.З. Эйдлина ценили за ум, эрудицию, за способность сплотить соратников для серьезного дела, доброжелательность и тонкий юмор. В Китае у него было множество друзей — писателей, поэтов, ученых. Он сострадал их доле в трагическое десятилетие, и когда спустя годы появилась возможность вновь посетить Китай, он вопреки предостережениям лечащего врача едет с писательской делегацией, главой которой был Сергей Михалков, а членами Евгений Евтушенко, Юлиан Семенов и др. Пребывание в Китае было счастливым и волнующим событием: Л.З. Эйдлин увидел обновляющуюся страну, повстречал много старых друзей, особенно потрясла встреча с выдающимся поэтом Ай Циню (1910–1996), который с 1957 г. по 1973 г. находился в ссылке в отдаленных районах. Л.З. Эйдлин надеялся, что поэт поправит здоровье и вновь во всю силу зазвучит его голос стихотворца — ведь в Китае широкую известность получила поэма 1978 г. «На гребне волны», обличающая «культурную революцию». Встречи, воспоминания о былом, вера в скорый расцвет китайской литературы вызвали у Л.З. Эйдлина сильный душевный подъем. Сразу же после возвращения в Москву он позвонил мне по телефону, его переполняли эмоции и впечатления. Он сказал, что хотел бы через неделю приехать в Ленинград и выступить перед преподавателями и студентами. Я отвечал, что непременно начнем оформлять ему приглашение. Следует заметить, что декан Восточного факультета академик М.Н. Боголюбов с большим уважением относился к московскому коллеге и высоко ценил его общение с факультетским коллективом, его дружбу с членами кафедры китайской филологии. Но через несколько дней Л.З. Эйдлина не стало. Почта доставила «Литературную газету» от 6 ноября 1985 г. с некрологом, подписанным секретариатом правлений трех писательских организаций.

В юбилейной статье по справедливости в силу объективных причин звучат два голоса — В.М. Алексеева и Л.З. Эйдлина, Учителя и Ученика, основателя китаеведения XX в. и продолжателя его Дела, обогатившего науку и переводческое искусство блестящими достижениями.

Литература

1. Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973.
2. Баньковская М. В. Семь ярких вспышек // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1993.
3. Баньковская М. В. «Памятка» — в напоминание (к двум датам биографии Ю.К. Щуцкого) // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997.
4. Баньковская М. В. «Мой двойник, только сильнее и вообще лучше» // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996.
5. Алексеев В. М. Наука о Востоке, М., 1982.
6. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневники путешествия в 1907 г. М., 1958.
7. Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). М., 2008.
8. Эйдлин Л. З. Чему учиться у Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983.
9. Баньковская М. В. Л.З. Эйдлин в судьбе В.М. Алексеева // Восток. 2000. № 6.
10. Скачков П. Е. Библиография Китая. М., 1960.

11. *Бо Цзюй-и. Четверостишия* / Пер. с китайского, вступ. статья и коммент. Л.З. Эйдлина. М., 1949.
12. *Эйдлин Л. З. Тао Юань-мин и его стихотворения.* М., 1967.
13. *Бо Цзюй-и. Стихи* / Пер. с китайского Л. Эйдлина ; предисл. Го Мо-жо. М., 1958.
14. *Бо Цзюй-и. Лирика* / Пер. с китайского Л. Эйдлина. М., 1965.
15. *Китайская классическая поэзия в переводах Л. Эйдлина.* М., 1975.
16. *Федоренко Н. Т. Призвание китаиста // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока.* М., 1970.
17. *Тао Юань-мин. Лирика* / Пер. с китайского Л. Эйдлина. М., 1964.
18. *Федоренко Н. Т. Избранные произведения* : в 2 т. М., 1987.
19. *Петров В. В. Китайская филология в Петербургском-Ленинградском университете // Точность — поэзия науки.* СПб., 1992.
20. *Сорокин В. Ф. Дань памяти // Точность — поэзия науки.* СПб., 1992.
21. *Эйдлин Л. З. Вопросы изучения литературы средневекового Китая // Вопросы советского китаеведения.* М., 1973.
22. *Эйдлин Л. З. К теме Востока // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока.* М., 1977.
23. *Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: в 2 кн.* М., 2002.

Е. А. Серебряков